

Диез попытался приподнять настроение Розелин, но не спросил, причину ее подавленности. Он просто улыбался, когда их взгляды периодически сталкивались; когда дуновение ветра колыхало тень, отбрасываемую деревом, он держал веки плотно закрытыми.

—Благодарю, ваше высочество.

—Ну что вы. За что благодарны?

—Вы вывели меня из храма. Благодарю.

Честно говоря, этот сад также принадлежал храму, но для Розелин это не имело большого значения. Каждое скромное местечко храма было бережно приведено в порядок, сверкая белоснежным светом, однако то место, где их буравили недоверчивыми взглядами, не относилось к той всей прелести, даже если все принадлежало храму.

Куст, стремящийся ввысь по собственной воле. Разбитый фонарь, обвитый ушлым плющом. Фрукты, сочно сияющие тут и там, и шныряющийся прохладный ветерок. Откуда Диезу известно это место? Неужели и ему когда-то приходилось сюда сбегать? Диез, услышав слова благодарности Розелин, затаил дыхание с широко открытыми глазами. Он потер мочку уха и сконфуженно отвернулся.

—...Я рад, что оказался полезен.

Челка прикрывала его глаза. Хотя в профиль были видны только нос и губы, было заметно, как ожесточились черты лица. Он не казался счастливым; скорее, даже немного мрачным. Она это почувствовала, когда они встретились на фестивале, но сегодняшний Диез немного странный.

Через некоторое время Диез протер лицо обеими руками и улыбнулся.

—Розелин действительно...как Эфа.

—Что такое... Эфа?

Диез колебался.

—Не пойми превратно. Это немного странно, но, когда я был ребенком, Эфа была моей собакой...

Диез поспешно изменил слова. Видимо, он осознавал, что сравнение с животными звучит порой как оскорбление.

—...Это был щенок.

—О, так я похожа на собаку.

—...Щенка.

Диез заугрюмился, словно искал более милое и приличное слово. «Я имею в виду щенка», — когда он еще раз подчеркнул, Розелин кивнула и быстро ответила: «Хорошо. Конечно. Щенок».

—Он разорвал мою домашнюю работу, над которой я сидел несколько дней, и разрушил снежный дом, который я кропотливо делал зимним днем.

Это оскорбление! Розелин поняла, что он говорил не о «щенке», а о «собаке, которая ест чью-то домашнюю работу и разрушает чей-то ледяной дом». Как домашнее животное, мешающее другим работать. «Разве я когда-нибудь делала что-то настолько вопиюще оскорбительное...»

Розелин была шокирована.

—Ледяной дом, который я целую неделю создавал с большим трудом.

Эфа. Брови Розелин нахмурились.

—В ту ночь Эфа простудился, поэтому у него был насморк, а дыхание прерывистым. Он не мог нормально питаться. Как бы я ни злился, когда щенок ломал мой ледяной дом, видя, как ему больно, я все равно молился Иделахвиму, чтобы он больше не болел.

В конце концов ему он понравился? Увидев смущенный взгляд Розелин, Диез расхохотался над ней. Вскоре он протянул к Розелин руки, нежно, безболезненно ущипнув ее за щеки. Розелин не ожидала, что он сыграет такую шутку, и выпучила глаза. На лице Диеза заиграло озорное выражение.

—Мне это не нравится.

Диез перестал щипать и накрыл щеки ладонями, отчего рот Розелин раскрылся, как птичий клюв. Глаза Диеза устремились на нее. Он удивился. Розелин чувствовала, что над ней издеваются, и почему-то душу царапало волнение.

—Садись, брат.

—Куда?

—Туда, где стоишь. Если ты поднимешь плюшевого мишку, можешь присесть. Прости, тут небольшой бардак.

«То, что твоя голова соображает, какой здесь бардак, поражает больше».

Иссерион торопливо подошел к тому месту, на которое указал Лахеанси, и откопал стул. Его умение доставать носовой платок и вытирать было превосходным. Рыцари ушли, и дверь захлопнулась. Лахеанси смахнул крошки, застрявшие в середине священного писания. Рикардис посмотрел на сидящего на кровати с выражением отвращения.

—Я видел твою проповедь в Благословенную ночь. То и дело этим занимаешься.

Лахеанси широко улыбнулся, опустив томный взгляд.

—О? Ты видел? Ах, если ты был там, ты должен был поприветствовать меня. Какой позор...

Он издал глупый смешок и изогнулся всем телом.

—Я думал, что это была настоящая проповедь. Когда я увидел, я только подумал...

...что ты, должно быть, сумасшедший. Рикардис проглотил свои последние слова. Он не хотел быть злодеем, оскорбляющим сердце счастливого дитя.

—Так почему ты...так выражался?

—Эта проповедь была моим первым дебютом. Я немного изменил ее, чтобы она выглядела немного достойнее, и боже! Это было потрясающе.

Похоже, это могло положить конец карьере верховного жреца.

—Я и не знал, что то, как дедушки говорили о моей молодости, будет так полезно в проповеди.

Лахеанси продолжал и периодически смеялся: «Ах, в конце концов, они сказали, что долго жить нельзя... Хи-хи-хи...!» Это заставило Рикардиса почувствовать неловкость.

У Рикардиса было много нежелательных единокровных братьев и сестер. Целых шесть принцев и семь принцесс. Всего тринадцать. Тем не менее была только горстка братьев, контактировавших с Рикардисом. Другие братья не знали, что Рикардис был не родственником, и наряду со многими другими проблемами его святая сила также сыграла свою роль в

прекращении общения с другими братьями и сестрами.

Среди них Лахеанси был единственным, с кем он поддерживал связь (хоть и скромную). Они иногда встречались, чтобы выпить чаю и поприветствовать друг друга. Несмотря на это, говорить о глубокой дружбе не имело смысла, ведь Лахеанси больше не носил титула «Лоурэл из Сноуфилда». Те, кто взял на себя роль слуг при Иделавхиме, носили только свои собственные имена. Следовательно, он не Лахеанси из какой-то семьи или чей-то великий сын. Он просто маленький человек. В результате он покинул поле борьбы за власть, и этот факт, возможно, заставил Рикардиса чувствовать себя более комфортно с Лахеанси.

Лахеанси сам заваривал чай и подавал закуски на стол. Никто не прикасался к нему, кроме него самого, но Лахеанси было все равно.

—Ты проигнорировал дедушек, когда они однажды попросили тебя встретиться с ними. Какой ветер подул в твою сторону на этот раз?

—Только сегодня четверо из семи первосвященников отсутствуют. Поэтому сегодня самое подходящее время прийти, ибо их стало меньше.

—Нормально ли быть таким беззаботным, когда в храм проникли шпионы в присутствии первосвященника?

Рикардис улыбнулся, скрестив ноги. Прищуренные глаза уставились на Лахеанси.

—Эти старые хмыри должно быть знали.

—Действительно. Плод ли это решений, принятых братом? До этого еще далеко.

—Думать — это твое дело. Я хочу кое-что спросить тебя, так что речь идет не об этом.

Лахеанси наблюдал за своим братом, наслаждаясь приготовленными им закусками. Рикардис сверкал с головы до ног в солнечном свете, проникающим через окно. «Ах, он великолепен».

—Лахеанси. Что такое?

Лахеанси на мгновение потерял дар речи. «Ты же не просишь меня заново изучать концепции, которые я учил с детства? Магия есть магия. Произведение Крэана Тиданиона. Зловещая сила Черной луны. Противоположность святой силе, недруг, как масло и вода...»

—Мой умный брат...

Лахеанси улыбнулся и погладил по волосам. Несмотря на прелестное лицо, Рикардису не понравилось, как он улыбнулся.

—Ты ездил в Балту и получил ключ к разгадке Благословенной ночи?

—...Так ты знал.

—Я все еще первосвященник.

Лахеанси растянулся на шезлонге, приняв причудливую позу: то ли полулежачую, то ли полусидячую.

—На самом деле, я совсем новый верховный жрец, поэтому не могу многого рассказать. Кое-что я изучил и узнал. Некоторым вещам научил меня мой ментор.

Глаза Рикардиса расширились при словах, вырвавшихся из уст Лахеанси.

Ментор.

Был только один человек, коего Лахеанси мог так назвать. Вероятно, это был первосвященник Виндит, преподававший теологию еще тогда, когда его звали Лахеанси Лоуроэл из Сноуфилда. Лахеанси не называл имени, используя лишь титул наставника в храме, и продолжал называть его своим ментором. Виндит позволил подобное потому, что привязался к нему с детских лет.

Рикардис спокойно оглядел комнату. К счастью, вокруг были только рыцари Белой ночи и Иссерион. Причина его настороженности в том, что верховный жрец Виндит, казненный несколько лет назад, таил большую тайну.

За лицом добродушного священника, подававшего пищу голодным, раздающего одежду нагим и заботящегося обо всех людях, скрывался иной образ. Он был еретиком. Обвинение в проповедовании доктрин, противоречащих учению храма, и введение людей в заблуждение никогда не воспринимались столь легкомысленно.

Иллавлению окатила волна потрясения, и верховный жрец Виндит был казнен. Его место занял Лахеанси. Но из-за случившегося многие не хотели, чтобы Лахеанси стал первосвященником. Верховный жрец Виндит преподавал доктрины, законы и различные дисциплины Лахеанси. Он обладал обширными связями, потому беспокойство, что Лахеанси тоже будет запятнан, было естественным.

Однако Лахеанси доказал свою невиновность слезами и хмыканьем. К тому же не нашлось никаких доказательств, что Виндит учил его странным доктринам, поэтому все это и осталось не более чем подозрения. Конечно, родословная Лахеанси сыграла большую роль в качестве подспорья. Даже если он и отказался от своей фамилии, император не хотел видеть, как его

родословная носит ярмо.

<http://tl.rulate.ru/book/58521/2809860>